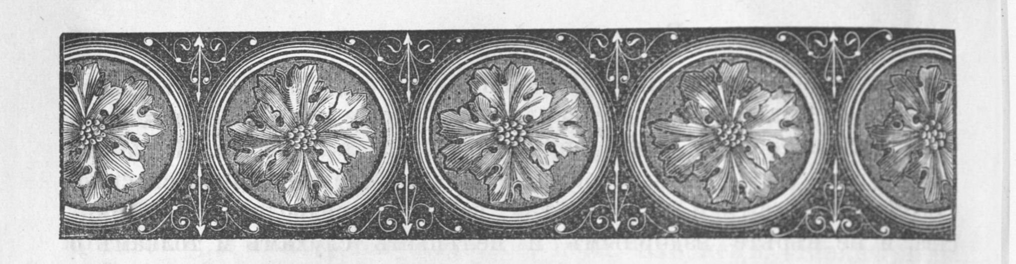

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

НОЯБРЬ, 1887

ВОСПОМИНАНІЕ ОБЪ Ю. В. ЖАДОВСКОЙ.

МОЖЕТЪ БЫТЬ, страннымъ покажется, что я, двоюродная сестра, воспитанница и другъ Юліи Валеріановны Жадовской, прожившая съ ней неразлучно съ восьмилѣтняго своего возраста до самой кончины ея, не участвовала въ изданіи ея сочиненій моими свѣдѣніями о ея жизни. Чтобы объяснить это, я должна коснуться нѣкоторыхъ семейныхъ дѣлъ. Отецъ Юліи Валеріановны, бывши почему-то недоволенъ своимъ сыномъ и женой его, все свое состояніе передалъ дочери; но Юлія Валеріановна, не желая воспользоваться этимъ, половину суммы, полученной за имѣніе, передала брату, а на оставшіяся у нея деньги купила усадьбу въ Костромской губерніи, которую, любя меня, какъ родную дочь, оставила мнѣ послѣ своей смерти. Это до такой степени раздражило ея брата, что онъ старался уничтожить ея духовную и даже бросить черную тѣнь на мою безпредѣльную привязанность къ моей второй матери; но не успѣлъ въ этомъ. Такимъ образомъ, при изданіи ея сочиненій онъ не обратился ко мнѣ за болѣе вѣрными свѣдѣніями, и поэтому въ біографію ея вкралось много невѣрностей и неполноты, что̀ я считаю своей обязанностью исправить въ память той, которой я всѣмъ обязана.

Какъ извѣстно по біографіи, въ 1824 году, 29 іюня, родилась Юлія Валеріановна Жадовская. Мать ея, урожденная Готовцова, была родная сестра той Готовцовой, на посланіе которой отвѣчалъ Пушкинъ. Въ семействѣ матери Жадовской всѣ обладали замѣчательными сценическими способностями и способностью писать стихи;

но ни у кого поэтическій талантъ не проявился въ такой степени, какъ у Юліи Валеріановны. По несчастной случайности, мать Жадовской, на третьемъ мѣсяцѣ беременности, упала съ лѣстницы и, вслѣдствіе этого, дѣвочка родилась съ одной правой рукой, на которой было всего два развитыхъ пальца и третій небольшой только до ногтя; у лѣваго плеча были тоже два пальца, изъ которыхъ только одинъ могъ двигаться. Когда мать увидала недостатокъ дочери, она не только не огорчилась этимъ, но какъ будто обрадовалась, воскликнувъ: «она будетъ моимъ другомъ и моимъ утѣшеніемъ!» и, бывши очень несчастлива въ супружествѣ, всю страсть молодой души перенесла на дѣвочку. Ребенокъ всѣхъ поражалъ необыкновенной смышленостью, ловкостью и силой. Напримѣръ: ей было не болѣе пяти или шести мѣсяцевъ, какъ одна хорошая знакомая дала ей варенья; черезъ нѣсколько минутъ, она, сидя на рукахъ у няньки, пальцами ноги подняла тарелочку съ вареньемъ и подала знакомой, чтобы та дала ей еще. Мать испугалась, что она будетъ все дѣлать ногами, и стала обувать ее; но на всю жизнь въ ней осталась необыкновенная гибкость въ ногахъ, которыми она, впослѣдствіи, обутая въ ботинки, помогала себѣ при женскихъ рукодѣльяхъ, въ которыхъ была очень искусна. Черезъ годъ послѣ рожденія Жадовской, родился ея братъ; мать ея простудилась послѣ родовъ и получила скоротечную чахотку, отъ которой скончалась 22-хъ лѣтъ. Почувствовавъ, что ей остается жить не долго, она сама привезла полуторагодовую любимую дочь къ своей матери, Настасьѣ Петровнѣ Готовцовой, въ Буевскій уѣздъ, въ уединенную усадьбу Панфилово, въ которой та жила съ своей старшей дочерью, Марьей Ивановной, оставшейся въ дѣвицахъ, и просила ее замѣнить мать бѣдной сироткѣ. Жизнь свою у бабушки Жадовская описала въ первой части своего романа «Въ сторонѣ отъ большого свѣта», нисколько не идеализировавъ старушки, какъ совершенно невѣрно выразился біографъ Юліи Валеріановны. Бабушка боготворила ее, да и всѣ окружающіе обожали умную, кроткую, иногда серьёзную не по лѣтамъ, иногда веселую, какъ птичка, дѣвочку. Никогда, ни въ дѣтствѣ, ни въ молодости, ни въ преклонныхъ лѣтахъ, она не тяготилась своимъ физическимъ недостаткомъ, но умѣла такъ пріучить къ нему окружающихъ и даже новыхъ знакомыхъ, что почти никто не замѣчалъ его. Не было почти работы, кромѣ вязанья, которую бы она не съумѣла сдѣлать своими двумя пальчиками. Способности у нея были громадныя. Не шести, а трехъ лѣтъ, она уже прекрасно читала, а такъ какъ бабушка не знала какъ начать учить ее писать, то сперва однимъ пальцемъ писала ей буквы то на пескѣ, то на отпотѣломъ оконномъ стеклѣ; потомъ она уже сама приноровилась какъ держать перо двумя пальцами и имѣла прекрасный твердый почеркъ.

Послѣ покойнаго нашего дѣда, осталась большая библіотека, состоявшая большею частію изъ сочиненій Вольтера, Экарстгаузена, Жанъ-Жака Руссо и другихъ философовъ. Старушка-бабушка дала дѣвочкѣ полную волю читать все, что ей вздумается; тетка рѣдко бывала дома, такъ что руководить выборомъ книгъ было некому, и дѣвочка читала все, что ни попадало подъ руку; но особенно пристрастилась къ философскимъ и религіознымъ книгамъ; въ умѣ ея всегда преобладалъ этотъ элементъ и самая любимая тема ея разговоровъ была философически-религіозная. До 12 лѣтъ она жила почти въ полномъ уединеніи, окруженная старой прислугой, старыми сосѣдками бабушки, бѣдными дворянками. Единственнымъ другомъ ея дѣтства была ея двоюродная сестра, жившая съ матерью, вдовой умершаго сына бабушки, въ той же усадьбѣ. Объ этой подругѣ и ея матери Юлія Валеріановна тоже подробно пишетъ въ своемъ романѣ «Въ сторонѣ отъ большого свѣта», гдѣ онѣ выставлены подъ именами Марьи Ивановны и Лизы. Вообще, вся первая часть этого романа есть полная, правдивая автобіографія Жадовской. Наружность Жадовской была очень симпатична. По уродливому портрету, приложенному къ первому тому ея сочиненій, нельзя получить даже малѣйшаго понятія о ея физіономіи. Она не была красавицей, не была даже хорошенькой; но бывали минуты, когда лицо ея дышало такой прелестью выраженія, что она невольно обращала на себя вниманіе. Она была средняго роста, тонка и чрезвычайно граціозна въ молодости, не смотря на свой недостатокъ. Цвѣтъ лица у нея былъ очень нѣжный; длинные, густые, мягкіе, какъ шелкъ, волосы орѣховаго цвѣта спускались ниже колѣнъ. Впослѣдствіи, отъ болѣзни она должна была остричь ихъ. Глаза темносѣрые, задумчивые и грустные; ноги были замѣчательно хороши и гибки. Характеръ ея былъ чрезвычайно ровный, веселый и даже рѣзвый отъ природы; современемъ горе и тяжелая жизнь уничтожили въ ней живость и шаловливость; но никогда никто не видалъ ее мрачной и унылой; она такъ умѣла скрывать свои физическія и душевныя страданія, что даже самые близкіе люди едва замѣчали ихъ, но и тутъ она такъ умѣла успокоить окружающихъ и представить свои страданія легкими и неважными, что уже только теперь, соображая всю ея жизнь, приходишь къ заключенію, что она была глубоко несчастная женщина, и удивляешься какъ, до самой смерти, она могла сохранить такую ясность духа' такую ровность характера.

До 12 лѣтъ она почти ничему не училась, въ томъ смыслѣ, какъ учатся другіе дѣти; но чтеніе дало ей много познаній и развило ея мыслительность. Въ это время пріѣхала ея тетка, Готовцова-поэтъ, бывшая уже замужемъ за Корниловымъ и упросила бабушку отпустить съ ней Юлію Валеріановну, чтобы поучить французскому языку. У тетки она прожила почти годъ и при сво-

ихъ замѣчательныхъ способностяхъ изучила этотъ языкъ почти такъ, какъ другія изучаютъ его во время полнаго институтскаго курса. Возвратясь къ бабушкѣ, она прожила съ ней до 14 лѣтъ въ прежнемъ уединеніи, среди старыхъ книгъ, старыхъ людей, цвѣтовъ и природы. Наконецъ, отецъ ея вспомнилъ, что пора заняться ея образованіемъ и, къ великому горю бабушки, помѣстилъ ее въ частный костромской пансіонъ Прево́-де-Люмьенъ (а не Прибытковой, какъ сказано въ біографіи), гдѣ съ первыхъ же дней она стала любимицей начальницъ, учителей и подругъ. Ничего новаго не пріобрѣла она тамъ: ученіе шло рутинное, никто изъ преподавателей не понялъ, что Жадовская ничему не училась фундаментально и показалась всѣмъ болѣе знающей, чѣмъ тѣ изъ дѣвицъ, которыя поступили въ пансіонъ гораздо ранѣе ея. Такъ, напримѣръ, учитель русскаго языка, Александръ Ѳедоровичъ Акатовъ (Перевлѣсскій никогда не жилъ въ Костромѣ и никогда не давалъ уроковъ Жадовской въ пансіонѣ, — біографъ ея въ этомъ случаѣ сдѣлалъ громадную ошибку), увидавъ, что она совершенно правильно пишетъ порусски, нашелъ, что преподавать ей грамматику лишнее и заставилъ ее учить наизусть «Поэзію» своего сочиненія, начинающуюся такъ: «Поэзія есть выраженіе и дивный отголосокъ души и чувства». И въ такомъ родѣ цѣлыя страницы, которыя должны были декламировать ему, самымъ восторженнымъ голосомъ, старшія воспитанницы, между которыми первое мѣсто занимала Жадовская, не знающая самыхъ первыхъ грамматическихъ правилъ. Тоже было и съ другими учителями. Къ концу года она сама поняла недостаточность такого ученія и сказала объ этомъ отцу, который изъ пансіона взялъ ее уже къ себѣ въ Ярославль и, по ея просьбѣ, пригласилъ давать ей уроки русскаго языка, тогда еще очень молодого учителя ярославской гимназіи, Петра Мироновича Перевлѣсскаго, извѣстнаго своимъ синтаксисомъ и другими трудами. Читая одинъ разъ поданное Юліей Валеріановной сочиненіе на какую-то заданную тему, Перевлѣсскій вздумалъ уговаривать ее попробовать писать стихи, говоря, что онъ чувствуетъ, что у нея есть поэтическій талантъ. Сперва она какъ будто испугалась и стала увѣрять его, что никогда не могла прибрать ни одной рифмы, но потомъ согласилась сдѣлать опытъ. И вотъ первыя три стихотворенія Жадовской.

1.

Свѣтитъ солнышко привѣтно,
Ясно небо надъ землей;
Вѣтерокъ едва примѣтно
Шепчетъ весело съ струей;
Птичекъ хоръ весной ликуетъ,

Вся природа торжествуетъ,
День похожъ на чудный пиръ.
Какъ прекрасенъ Божій міръ!

Солнце тучами затмилось;
Вѣтеръ воетъ, лѣсъ шумитъ;
Лентой молнія развилась,
Стонетъ небо, громъ гремитъ;
Свѣтъ исчезъ. Покрылись тьмою
Небеса, поля, луга,
И простерлась надъ землею
Разноцвѣтная дуга.

День прошелъ, какъ все проходитъ,
Чисты, свѣтлы небеса;
Надъ рѣкой ужъ мѣсяцъ всходитъ,
Дремлютъ рощи и лѣса.
Звонкой трелью соловей
Рушитъ тишину полей.
Ночь тиха и мѣсяцъ ясенъ.
О, какъ Божій міръ прекрасенъ!

2.

Изъ псалма IX.

Къ Тебѣ, мой Боже, вопію,
Услышь мой вопль, внемли молитвѣ;
Управи мирно жизнь мою,
Печаль на радость премѣни.
Услышь меня, Господь, взываю
Въ уныньи сердца моего;
Твое я имя призываю,
И Ты прибѣжище мое;
Возвысь меня надъ злобой міра,
Да подъ святымъ Твоимъ покровомъ
Поетъ моя ничтожна лира
Хвалу Создателя всего.
И мой Господь меня услышитъ,
И къ чадамъ истиннымъ причтетъ,
Страстей волненіе утишитъ
И миръ душѣ моей пошлетъ.

3.

Осень.

Прошла весна и лѣто красное,
Ужъ въ рощахъ птички не поютъ;
Покрылось мглою небо ясное,
Для странника исчезъ пріютъ
Подъ сѣнію деревъ.
Съ зелеными кустами
Не шепчетъ вѣтерокъ,
Поблекшими листами
Засыпаны поля.

Цвѣтовъ ужъ нѣтъ, сгубилъ морозъ;
Туманы, бури и ненастье,
Холодный вѣтеръ намъ нанесъ.
Цвѣточки расцвѣтутъ, но расцвѣтетъ ли счастье?
И радость оживетъ ли?
Природа обновится
И солнце—другъ ея,
Лучами отразится
На зелени луговъ.

Очистится лазурь небесъ,
Засвищетъ снова соловей;
Зазеленѣетъ снова лѣсъ,
И василекъ, краса полей,
Пріятно расцвѣтетъ.
Съ весною возвратится
Веселье для людей;
Со мной же что случится?
И гдѣ-то буду я?...

Въ продолженіе трехъ уроковъ, Юлія Валеріановна угощала своего наставника этими стихами, вызывавшими у него неудержимый смѣхъ. Не имѣя болѣзненнаго, мелочнаго самолюбія, она сама отъ души смѣялась надъ своими неудачными опытами. Не смотря ни на что, Петръ Мироновичъ настаивалъ на томъ, чтобы она продолжала и, вотъ, на четвертый урокъ, она подала ему слѣдующее:

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно въ бореньи
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она въ восторгѣ
Выразила мысль.

Прочитавши это, Перевлѣсскій съ восторгомъ вскричалъ:—«Я чувствовалъ, что у васъ есть талантъ!» Съ этого времени, Юлія Валеріановна вся отдалась поэзіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ душу ея закралось чувство любви глубокой и искренной къ тому, кто первый возбудилъ таившійся въ ней огонь поэзіи. Чувство это было вполнѣ взаимное,—учитель не могъ не оцѣнить прекрасной души своей ученицы; но въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ ни тотъ, ни другая, ничѣмъ не высказали другъ другу своей любви; она выливалась только въ стихотвореніяхъ Жадовской. Въ это же время она стала брать уроки нѣмецкаго языка и черезъ мѣсяцъ уже стала переводить Гёте, Гейне и другихъ. Перевлѣсскій тихонько отъ Юліи Валеріановны послалъ напечатать нѣкоторые изъ ея стиховъ; между ними были «Водяной» и «Русалка», встрѣченные критиками очень сочувственно. Увидя свои произведенія въ печати, Жадовская еще съ большимъ жаромъ отдалась своему призванію, а чувство любви и глубокой симпатіи росло и росло въ душахъ учителя и ученицы, но оба съ неимовѣрнымъ усиліемъ скрывали это чувство другъ отъ друга. Отецъ Жадовской съ восторгомъ узналъ о талантѣ своей дочери и ей не только не нужно было скрывать свои занятія и писать по ночамъ, какъ говоритъ совершенно несправедливо ея біографъ,—но талантъ ея былъ его утѣшеніемъ и гордостью, и онъ всѣ силы употреблялъ, чтобы дать ей возможность развить его. Онъ выписывалъ для нея все, что только выходило тогда въ литературѣ; не имѣя большихъ средствъ, онъ, не жалѣя ничего, ѣздилъ съ ней нѣсколько разъ въ Москву и Петербургъ. Онъ былъ деспотичный, суровый человѣкъ въ семейномъ быту; но въ высшей степени былъ честный и добрый и страстно любилъ и уважалъ свою дочь, которая, современемъ, своей кротостью и тактомъ, незамѣтно для него, пріобрѣла надъ нимъ большое нравственное вліяніе.—Совершенно неожиданно и помимо своей воли, Перевлѣсскій, покровительствуемый тогдашнимъ попечителемъ графомъ Строгоновымъ, былъ переведенъ въ Москву, и только при послѣднемъ свиданіи онъ и Юлія Валеріановна высказали другъ другу чувство, глубоко вкоренившееся въ ихъ сердцахъ. Они оба обратились тогда къ отцу Жадовской; но, къ несчастію, въ то время сильно было развито чванное барство, и отецъ слышать не хотѣлъ, чтобы дочь, его—предсѣдателя гражданской палаты и родового дворянина, вышла за простого учителя гимназіи и сына какого-то бѣднаго дьячка. Этотъ предразсудокъ стариннаго барства разбилъ всю жизнь Юліи Валеріановны и надломилъ ея, крѣпкій отъ природы, организмъ. Пятнадцать лѣтъ любили они другъ друга и ни слезы, ни страданіе любимой дочери не могли переломить закоренѣлаго деспотизма отца, для котораго Юлія Валеріановна, не смотря на это, оставалась до конца его жизни любящей, покорной дочерью. Единственнымъ утѣшеніемъ была для

нея поэзія, и ей всецѣло предалась она. Случайно нѣкоторыя ея стихотворенія попались Эдуарду Ивановичу Губеру, и онъ письменно привѣтствовалъ ее и предложилъ ей свои совѣты и помощь, если она рѣшится напечать свои произведенія отдѣльной книжкой.

Почти въ то же время пріѣхалъ въ Ярославль извѣстный нашъ ученый и переводчикъ Гёте и Байрона Михаилъ Павловичъ Вронченко. Онъ сильно привязался къ талантливой, развитой дѣвушкѣ и до самой смерти своей былъ ея другомъ и руководителемъ. Онъ развилъ въ ней строгій, критическій взглядъ на свои произведенія и тонкое пониманіе прекраснаго. Юлія Валеріановна была необыкновенно смиренна, если можно такъ выразиться, — никакая похвала не могла заставить ее возгордиться; все, что ни писала она, никогда не могло удовлетворить ее, и всѣ лестные отзывы критиковъ и людей компетентныхъ въ литературномъ дѣлѣ она считала снисхожденіемъ и какимъ-то особеннымъ счастіемъ, котораго, по ея мнѣнію, она не заслуживала. Вмѣстѣ съ литературными занятіями, она много занималась и развитіемъ своего ума: не было серьёзной, научной статьи, которую бы не прочитала она. Съ годами все болѣе и болѣе занимали ее философическіе и богословскіе вопросы; но никогда не была она педанткой. Разговоръ ея былъ необыкновенно краснорѣчивъ и увлекателенъ; всѣхъ поражала она глубиной и мѣткостью своихъ мыслей.

Въ 40-хъ годахъ была издана первая книжка ея стихотвореній, вызвавшая лестный отзывъ Бѣлинскаго. Въ это же время она нѣсколько мѣсяцевъ жила въ Петербургѣ, гдѣ была сочувственно встрѣчена во всѣхъ бывшихъ тогда литературныхъ кружкахъ. Всѣхъ заинтересовала эта молоденькая дѣвушка съ такимъ кроткимъ, смиреннымъ видомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ такимъ серьёзнымъ, развитымъ взглядомъ на жизнь, науку и искусство.

Когда ей было 19 лѣтъ, она, по согласію отца, взяла на воспитаніе меня—свою двоюродную сестру, дочь своей любимой тетки. Мнѣ было 8 лѣтъ, и Юлія Валеріановна посвятила мнѣ всю жизнь свою, а послѣ смерти моей матери, вполнѣ замѣнила мнѣ ее. Принявъ на себя обязанность воспитанія молодого существа, Юлія Валеріановна начала строго слѣдить за собой и за своими поступками. Чтобы не подать мнѣ дурного примѣра, она переломила свой, отъ природы вспыльчивый, характеръ и была справедлива и правдива даже въ бездѣлицахъ. Она переливала въ меня свою душу, свои знанія; была моей гувернанткой, подругой, матерью. Метода ея образованія была очень оригинальна: она заключалась въ игрѣ, которая росла вмѣстѣ со мной. Сюжетъ этой игры былъ очень простой: двѣ сестры воспитывались у суроваго опекуна; у нихъ была гувернантка; къ нимъ приходили учителя. Всѣхъ—и учителей, и гувернантку, и опекуна, и старшую сестру, представляла

сама Юлія Валеріановна, обладавшая при этомъ замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ. Легко и понятно передавала она мнѣ въ этой игрѣ свои знанія, и я, возвратясь изъ пансіона, гдѣ была полупансіонеркой, готова была каждую свободную минуту продолжать ученье, играя и незамѣтно усвоивая то, что она передавала мнѣ. Современемъ игра приняла другой характеръ; дѣвочка выросла и въ игрѣ представлялись уже двѣ молодыя дѣвушки; начались разныя приключенія, встрѣчи и обстоятельства, изъ которыхъ она давала мнѣ волю выпутываться по моему разумѣнію, направляя и растолковывая мои ошибки, могущія повлечь къ тому или другому несчастію. Мы были съ ней неразлучны. Я любила и уважала ее болѣе всего на свѣтѣ и всѣ силы употребляла, чтобы понять ее, дѣлить ея горе и радости и быть ей полезной. Вслѣдствіе слезъ и сердечнаго горя, зрѣніе ея ослабѣло, и я сдѣлалась ей необходима и въ жизни, и въ литературныхъ занятіяхъ: переписывала ея произведенія и держала корректуру при изданіи второй книжки ея сочиненій и никому не позволяла ни одѣвать ее, ни дѣлать для нея что либо въ обыденной жизни, и она всегда называла меня «мои глаза и руки». 16-ти лѣтъ я очень несчастливо вышла замужъ; это окончательно разбило Юлію Валеріановну, и съ этихъ поръ она уже никогда не была здорова. Черезъ полтора года замужества, я разсталась съ мужемъ и съ этихъ поръ до самой ея кончины была почти неразлучна съ ней, пользуясь ея нѣжной, исключительной привязанностью. Не смотря на болѣзненное состояніе, вызванное сердечнымъ горемъ и тяжелой жизнію съ отцомъ, Жадовская постоянно занималась литературой. Въ 1859 году она написала эпизодъ изъ неоконченнаго романа, подъ названіемъ «Первая любовь», который былъ автобіографіей самой Юліи Валеріановны и былъ напечатанъ въ «Москвитянинѣ». Михаилъ Павловичъ Врониченко, съ которымъ она была въ постоянной перепискѣ, настаивалъ, чтобы она продолжала этотъ неоконченный разсказъ, и изъ него составился романъ: «Въ сторонѣ отъ большого свѣта», названный Добролюбовымъ «замѣчательнымъ романомъ». Не буду говорить о ея другихъ литературныхъ трудахъ, это извѣстно изъ ея біографіи. Стихотвореній она съ 60-хъ годовъ почти уже не писала. «Любовь исчезла изъ моего сердца,—говорила она,—и поэзія меня оставила».

Біографъ Жадовскій совершенно невѣрно приписалъ Юліи Валеріановнѣ очеркъ «Житье-бытье на Корёгѣ» и включилъ его въ ея полныя сочиненія. Этотъ очеркъ былъ написанъ нашей родной теткой, Марьей Ивановной Готовцовой, исправленъ и напечатанъ Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ, который можетъ самъ удостовѣрить это, такъ какъ находится еще въ живыхъ. По поводу этого очерка родной братъ мой, Іосифъ Петровичъ Готовцевъ, уже

умершій, бывшій любимымъ другомъ Юліи Валеріановны, написалъ слѣдующее юмористическое стихотвореніе, которое я привожу здѣсь въ удостовѣреніе справедливости моихъ словъ:

УВѢДОМЛЕНІЕ.

(По случаю статьи «Житье-бытье на Корёгѣ», сочиненной Марьей Ивановной Готовцовой).

Что вы надѣлали, Марья Ивановна!
Мирную вы взволновали Корёгу:
Марья Сафроновна, Анна Степановна —
Всѣ поднялись на военную ногу.
Сидорычъ бѣдный пришелъ въ исступленіе,
Бьетъ, хромоногій, неистово сборъ;
Всѣ собрались противъ васъ въ ополченіе;
Всѣ вамъ готовятъ кровавый отпоръ.
Боже мой праведный! еслибъ вы видѣли,
Какъ здѣсь волнуется малъ и великъ;
Всѣ говорятъ, что вы ихъ разобидѣли;
Тьму противъ васъ представляютъ уликъ.
Дщерь неизвѣстности—область Корёжскую
Вы посмѣянью подвергли молвы,
Даже и ярмарку нашу Фроловскую
Всю распечатали вы.
А «губернаторшу» нашу почтенную
«Прозерповали» вы просто на вѣкъ;
Всѣхъ осмѣяли печатью презрѣнною,—
Экой вы, злой человѣкъ!..
И Сынбаровскіе тоже обижены:
Прозваны вами въ насмѣшку «князья»;
Вашей статьею даже унижены
Батюшка-попъ и мать-попадья.
Были теперь ужъ у нихъ совѣщанія,
Подъ предсѣдательствомъ милой «упять»;
И Звонаревскій кричалъ въ ихъ собраніи:
«Слышь! надо просьбу подать!»
Дмитриха Марья, туда же съ улыбочкой, —
Эта ничтожная тварь,—
«Всѣхъ не забыла,—пищитъ имъ съ ужимочкой,—
«Даже помянутъ и нашъ пономарь».
Ну, однимъ словомъ, теперь, безъ изъятія,
Здѣшніе всѣ противъ васъ господа;
Выдумать злыя хотятъ предпріятія,
Хоть и не ѣздите просто сюда.
Что вы надѣлали, Марья Ивановна!
Мирную вы взволновали Корёгу;
Марья Сафроновна, Анна Степановна—
Всѣ поднялись на военную ногу.

Здоровье Юліи Валеріановны стало все болѣе и болѣе слабѣть, и она уже съ трудомъ могла заниматься. Вскорѣ, послѣ «Женской Исторіи», она написала небольшой разсказъ «Отсталая», который сама считала слабымъ и неразвитымъ. Послѣ этого, она уже не могла ничего писать, страдая нервнымъ разстройствомъ всего организма. Два года прожили мы съ ней въ Петербургѣ, откуда ѣздили два лѣта сряду въ Гапсаль, гдѣ она не встрѣчалась съ Некрасовымъ, котораго никогда не знала лично, но талантъ котораго глубоко уважала. Приглашеніе же Достоевскаго помѣстить во «Времени» свой романъ «Женская Исторія» она получила еще до пріѣзда своего въ Петербургъ, когда романъ не былъ даже оконченъ и, какъ будущая сотрудница, вмѣстѣ съ приглашеніемъ получила gratis журналъ «Время». «Женская Исторія» была выслана Достоевскому изъ Ярославля для напечатанія и черезъ этотъ-то романъ она и познакомилась съ Іосифомъ Николаевичемъ Шилемъ. Вообще, сестра моя никогда, съ самаго начала своего литературнаго поприща, не знала затрудненія въ помѣщеніи своихъ произведеній и не нуждалась при этомъ ни въ чьей протекціи. Только болѣзненное состояніе было причиной того, что она оставила литературныя занятія, а никакъ не то, что она,—по словамъ біографа,—будто бы обидѣлась невниманіемъ къ ней критики, которая всегда лестно отзывалась о ея произведеніяхъ; публика же сочувственно отнеслась къ ея роману «Женская Исторія», что̀ выразилось во множествѣ знакомствъ и писемъ, отъ совершенно неизвѣстныхъ ей лицъ. Повторяю, у нея никогда не было смѣшного, мелочного самолюбія бездарныхъ писателей, и если бы не болѣзнь, она не бросила бы своего любимаго занятія, а употребила бы всѣ силы своего таланта, чтобы совершенствоваться въ немъ, а по своему недюженному уму и развитію съумѣла бы идти въ своихъ произведеніяхъ вмѣстѣ съ требованіями вѣка.

Не получивши нигдѣ облегченія отъ своей болѣзни, сестра моя возвратилась въ Ярославль и вышла замужъ за друга нашего дома, Карла Богдановича Севенъ, замѣчательно искуснаго врача и умнаго, вполнѣ симпатизирующаго ей человѣка. Она всецѣло посвятила себя мужу и больному, параличному отцу, за которымъ, сама слабая и больная, она пять лѣтъ ухаживала, какъ за любимымъ ребенкомъ и неутѣшно плакала, когда онъ умеръ. Послѣ смерти отца, Юлія Валеріановна, надѣясь, что родной воздухъ оживитъ и поправитъ ее, въ 1870 году, продала свой домъ въ Ярославлѣ и купила имѣніе въ 7-ми верстахъ отъ маленькаго уѣзднаго городка Буя, Костромской губерніи, недалеко отъ той усадьбы, гдѣ она жила съ своей бабушкой въ дѣтствѣ, и переѣхала туда съ мужемъ и со мной. Въ 1881 году она потеряла мужа, котораго нѣжно любила, и потеря эта еще болѣе потрясла и безъ того слабое ея здоровье. Горе свое она, привыкшая къ горю, переносила твердо, съ какой-

то особенной грустной кротостью; по цѣлымъ часамъ она или читала евангеліе и библію, или занималась вмѣстѣ со мной цвѣтами, которые страстно любила, — въ нихъ находила она отраду и утѣшеніе въ потерѣ человѣка, вполнѣ симпатизировавшаго ей и боготворившаго ее. Разъ какъ-то, въ разговорѣ я сказала, что если переживу ее, то брошу заниматься цвѣтами.—«Нѣтъ, въ память мою не бросай цвѣтовъ,—сказала она мнѣ,—они мнѣ дали силу пережить мое тяжелое горе, а для тебя они будутъ духовной связью со мной».

Съ 16-го марта 1883 года, у нея стали дѣлаться припадки стѣсненія въ груди и занятія дыханія. Въ это время она чувствовала страшную боль въ груди и невозможность вдохнуть въ себя воздухъ; лицо дѣлалось мертвенно блѣднымъ; глаза получали неопредѣленный взглядъ, дыханіе прекращалось на нѣсколько секундъ. Докторъ, пользовавшій ее, находилъ, что это грудная жаба, но увѣрилъ меня, что она безопасна. Обладая необыкновенной наблюдательностью и анализомъ во всѣхъ случаяхъ своей жизни, она, пришедши въ себя, послѣ перваго приступа этой страшной болѣзни, такъ говорила мнѣ о своемъ состояніи: — «Не бойся смерти, мой другъ,—сегодня она заглянула мнѣ въ глаза, и теперь я знаю, что умирать не страшно и не тяжело: когда я потеряла возможность дышать, то почувствовала необыкновенное спокойствіе во всемъ существѣ, и потомъ какъ бы полетѣла въ безпредѣльное пространство; только твой отчаянный крикъ, какъ электрическій ударъ, потрясъ все мое существо и возвратилъ къ жизни». Сильныхъ припадковъ было только пять и пятый убилъ ее; но не проходило дня, чтобы она не чувствовала трепетанія во всѣхъ нервахъ, такъ что съ марта до послѣдняго дня не могла ни громко говорить, ни много ходить, хотя почти постоянно сидѣла съ нами, но, видимо, слабѣла съ каждымъ днемъ. Я описываю подробно ея болѣзнь, доведшую ее до могилы, потому что въ ея біографіи сказано, что «она скончалась скоропостижно и при довольно странныхъ обстоятельствахъ»... Что хотѣлъ выразить г. біографъ, написавши такую небылицу, я не понимаю. Въ услуженіи у нея жила, и по настоящее время живетъ въ моемъ домѣ, очень преданная ей женщина, которую сестра моя очень любила. Не желая огорчить меня, она постоянно говорила ей, что чувствуетъ, что скоро умретъ, а за два дня до своей кончины взяла съ нея слово не оставлять меня, когда ея не будетъ. 28-то іюля, въ день своей кончины, рано утромъ она чувствовала легкое стѣсненіе въ груди и нервное волненіе; но потомъ цѣлый день была весела и покойна. Въ сосѣдствѣ съ нами живетъ семейство, состоящее изъ трехъ сестеръ, которое 15 лѣтъ связано съ нами самой нѣжной дружбой. Наканунѣ 28-го, пріѣхала къ намъ одна изъ нихъ, г. Валухова, и въ день своей смерти сестра много говорила съ ней о литературѣ; находя

въ ней талантъ, уговаривала ее писать и благословила на трудъ; потомъ сказала: — «Мнѣ кажется, я начну опять писать; но такъ какъ сама не имѣю силъ, то попробую диктовать Настѣ», (такъ называла она меня). Прежде она никогда не диктовала мнѣ своихъ произведеній, а всегда писала ихъ сама; и въ этомъ случаѣ біографъ ея ошибся. Послѣ этого разговора, она пошла съ нами въ садъ, позвала рабочихъ; при себѣ приказала сдѣлать новый цвѣтникъ, проложить новую дорожку и скопать грядку, для пересадки малины; при этомъ, шутя, сказала мнѣ: — «Ну, миленькая моя, не жалѣй, что я оторвала работниковъ отъ сѣнокоса; пожертвуй мнѣ этотъ день,—мнѣ непремѣнно хочется сегодня все это сдѣлать». Три раза въ этотъ день она сходила въ садъ, не смотря на мои просьбы не утомлять себя. Возвратясь послѣдній разъ домой, она почувствовала себя дурно; начался сильный припадокъ; вмѣсто дыханія изъ груди ея вырывался страдальческій крикъ; такъ продолжалось минутъ десять, потомъ собравшись съ силами, она сказала мнѣ задыхающимся голосомъ:—«Вотъ теперь я умру». Потомъ попросила меня перевести ее на кровать, — до этого она сидѣла въ креслѣ,—но не легла на нее, а сѣла, поджавши ноги; раза три наклонилась всѣмъ корпусомъ впередъ, по лицу пробѣжала легкая судорога, и она стихла. Я думала, что припадокъ прекратился и была совершенно спокойна, не ожидая ничего дурного. Около ея кровати стояли я, любимая ею женщина и меньшая сестра моя. Вдругъ она откинулась на грудь моей сестры, и я увидала съ ужасомъ, что взглядъ ея сдѣлался безжизненнымъ и дыханіе прекратилось; послѣ этого она еще тихо вздохнула три раза и все было кончено. Ни мои неутѣшныя рыданія, ни мольбы не могли уже на этотъ разъ возвратить ее къ жизни... Погребена она, рядомъ съ своимъ мужемъ, въ приходѣ Воскресенія, гдѣ каждогодно бываетъ Фроловская ярмарка, описанная въ запискахъ Гульпинской. Церемонія погребенія совершилась въ деревенской церкви, безъ овацій, безъ лавровыхъ вѣнковъ, но гробъ ея былъ покрытъ живыми цвѣтами, взлелѣянными ею самой, а вокругъ лились непритворныя слезы друзей, знакомыхъ и простого народа, находившаго въ ней поддержку и помощь при каждой житейской невзгодѣ.

Наканунѣ своей кончины, она тревожилась, что не успѣла передать мнѣ право на изданіе своихъ сочиненій и ждала для этого возвращенія нотаріуса, бывшаго въ то время въ отлучкѣ изъ города.—«Никому не позволяй писать мою біографію,—сказала она,— ты одна знала подробно жизнь мою, мою душу и мои побужденія. Издатели посмертныхъ сочиненій имѣютъ несчастную для автора привычку печатать всякую пустую записку, всякое слабое стихотвореніе. Не дѣлай этого». Я дала ей слово исполнить ея волю, но судьба судила иначе—я-то и была отстранена при изданіи ея пол-

ныхъ сочиненій, въ которыя, дѣйствительно, вошли самыя пустыя ея записки, не подходящія къ дѣлу и не обрисовывающія ни ея характера, ни ея ума. Долго не имѣла я силы сказать о ней и мое слово; но теперь рѣшаюсь сдѣлать это и прошу читающихъ эти воспоминанія не думать, что я преувеличила что либо, описывая эту глубоко-нравственную, развитую и въ высшей степени гуманную личность. Надо было знать ее какъ человѣка, чтобы понять какую потерю сдѣлали, лишившись ея, друзья ея и тѣ, кто имѣлъ къ ней какое нибудь отношеніе въ жизни.

Н. Ѳедорова.

